

БРАЙАН
МАККЛЕЛЛАН

BOOKTRON

ЛИЦО
В ОКНЕ

ПОРОХОВОЙ МАГ. РАССКАЗЫ

За два года до событий первой книги цикла «Пороховой маг» Таниэль по настоянию отца отправляется в Фатрасту повидать мир. Здесь он записывается в местную армию ополченцев, воюющих с Кезом, и знакомится с Ка-Поэль.

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: Anahitta, zhuzh, Marmax, Bazalmon

Локализация обложки: zhuzh

Booktran, 2017 г.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Таниэль сошел по трапу купеческого галеона. Ссылка началась.

Спеша покинуть доки, он на ходу потянул воротник сюртука и расстегнул пуговицы. Он не ожидал, что весной в Фатрасте настолько жарко и влажно, и хотел побыстрее оказаться в каком-нибудь прохладном пабе, где можно спрятаться от солнца и подождать.

Плавание из Адро заняло больше месяца, потом еще две недели они шли вдоль побережья Фатрасты, и корабль уже сидел у Таниэля в печенках. Каюты оказались слишком тесными, а кроме рисования и стрельбы по чайкам заняться было нечем. Вид на берег открывался довольно живописный, но Таниэль – солдат и пороховой маг, а не какой-нибудь избалованный дворянский отпрыск. Пейзажи представляли для него интерес разве что с точки зрения оборонительных позиций.

Это было пограничье – дикая местность, где огромных деревьев никогда не касался топор дровосека, рыжеволосые туземцы были готовы убить за косой взгляд, а на необъятных просторах можно было неделями не встретить ни души.

Поездка могла стать захватывающей, если бы Таниэль не злился на отправившего его сюда отца. Отец назвал это «путешествием». Между семестрами в университете не помешает посмотреть мир.

По мнению Таниэля, это больше походило на ссылку. Только через полгода он снова увидит невесту и родину. Полгода, прежде чем вернется к друзьям, опять будет проводить ночи с Влорой и прогуливать занятия в университете, чтобы пускать пули с Сабоном. Это будут долгие шесть месяцев.

В Новом Адопесте, раскинувшемся за доками, царила возбужденная суета, причины которой Таниэль определить не мог. Люди переговаривались шепотом, туда-сюда бегали мальчишки и мужчины. Похоже, у всех были штуцеры или мушкеты. Странно, что в городе так много оружия. Даже если он расположен на краю дикой местности.

Таниэль видел весь Новый Адопест с моря, и тот не показался ему необъятным. Тысяч пятьдесят душ. Доки занимали больше места, чем сам город. Повсюду шла высадка переселенцев или погрузка сырья для отправки в Девятиземье. Город основали адроанские колонисты более ста лет назад, но менее полугодом назад фатрастианские территории продали Кезу. Таниэль мог представить, что колонисты этому не очень-то обрадовались.

Ему на глаза попала бронзовая статуя Ипилла, короля Кеза, на тридцать футов возвышающаяся над гаванью. Пока он ее рассматривал, на постамент взобрался какой-то парнишка и, спустив штаны, помочился на ноги Ипилла. Таниэль рассмеялся и стал ждать, что из толпы появятся кезанские жандармы и погонятся за нарушителем.

Но этого не произошло.

Может, сегодня праздник, поэтому жандармы заняты? Наверняка этим же объясняется суета в городе. Отец рассказывал, что колониальные городки обладают особой энергетикой, которой лишены крупные города Девятиземья. Может, дело в этом?

– Таниэль! Таниэль!

Мгновение Таниэль озадаченно озирался, но тут же вспомнил о своей дуэнье. Мысль о том, что кто-то посторонний будет заглядывать ему через плечо, вдруг показалась неприятной, и он подумал, нельзя ли затеряться от сопровождающей в городе.

Он натянул бикорн на глаза и бодрой походкой направился к ближайшему пабу. Почти добравшись до темнеющего дверного проема, сулящего холодный эль и анонимность, почувствовал, как кто-то потянул его за сюртук.

– Таниэль? Ага, это точно ты. Одно лицо с матерью, мой дорогой.

Таниэль хмыкнул, пытаясь подавить раздражение.

– Дина? – спросил он держащую его за локоть пожилую женщину.

Она изобразила что-то среднее между поклоном и реверансом.

– Дина, мой дорогой, – поправила она. – Ты мальчик Тамаса и Эрики.

Это не было вопросом, и Таниэлю стало интересно, на самом ли деле он так сильно похож на мать. Отец всегда говорил так же, но его собственные воспоминания о ней были в лучшем случае отрывочны.

Таниэль приподнял шляпу.

– Очень приятно, мэм.

Дина выглядела лет на пятьдесят, на ней была мужская куртка и широкая юбка до щиколоток. На адроанском она говорила с легким акцентом, и Таниэлю пришлось напомнить себе, что, к несчастью, его мать наполовину кезанка, а ее кузина Дина, скорее всего, родственница с кезанской стороны. Сапоги Дины выглядели сильно поношенными, а к груди было приколото Вервие Кресимира.

Священнослужительница. Чудесно.

– Мне тоже очень приятно, – ответила Дина. Она помолчала, задержав руку на плече Таниэля и оглядев его с головы до ног. – Последний раз я видела тебя еще мальчиком. Наверное, ты меня совсем не помнишь.

Он не помнил.

– А теперь, посмотрите-ка, настоящий мужчина! – Ее взгляд упал на штуцер, висящий на его плече, и она продолжила громким шепотом: – Скажи, у тебя такие же способности к черному пороху, как и у родителей?

– Да, я пороховой маг.

И Таниэль этим гордился. Из мушкета он мог сбить шляпу с фермера с расстояния более мили. А из хорошего штуцера и при слабом ветре – с еще большего расстояния. Щепотка пороха позволяла ему видеть в темноте и делала быстрее и сильнее обычных солдат.

Похоже, его признание неприятно поразило Дину. Она ахнула, но заставила себя вернуть на лицо улыбку.

– Что ж, не будем портить из-за этого отношения. Давай я отведу тебя домой переночевать и хорошенько накормлю. К сожалению, завтра утром придется вернуть тебя на корабль.

– Что?

– Завтра ты отправляешься обратно в Адро.

Таниэль ощутил, как меняется его угрюмое настроение, и ему пришлось приложить усилие, чтобы сдержать ухмылку. Домой? Оставить эти богом забытые земли и...

Дина продолжала говорить.

– Разразилась война. – Она придвинулась ближе и понизила голос. – Колонисты восстали против Кеза и провозгласили независимость. Проклятые торгошники, в каждой бочке затычка, спелись с простолюдинами. – Она заговорила громче: – На сегодняшнюю ночь ты можешь остаться со мной и моим мужем, но я...

– Война? – перебил Таниэль. – С Кезом?

– Ну да.

У него задержался глаз, и все мысли о доме вылетели из головы.

– Где я могу записаться на службу?

Таниэлю пришлось с восьмиста ярдов отстрелить пуговицы с пугала, чтобы убедить майора в том, что он на самом деле обученный пороховой маг. Его задело,

что майор наострила уши, услышав имя отца Таниэля, но он проглотил гордость и три недели спустя числился капитаном ополчения Фатрасты в составе роты, направляющейся в болота.

Будет ли отец возмущен тем, что сын ввязался в чужой конфликт, или же станет гордиться его поступком?

Таниэль надеялся на последнее.

Он шагал вдоль рядов своей новой роты из примерно двух сотен солдат. Со штуцером на плече и походной сумкой на поясе, Таниэль единственный сохранял хоть какое-то подобие маршевого ритма. Остальные плелись как им вздумается, и колонна растянулась по извилистой дороге почти на полмили.

Он оглянулся. Высокие деревья – дубы, клены, ясени – утопали в зелени раннего лета, затрудняя обзор.

Поговаривали, что эти дороги патрулирует кезанская армия. Если полсотни кавалеристов выскочат из-за поворота у них за спиной, вся рота поляжет прежде, чем сможет рассеяться. Вот такие вояки.

Но с другой стороны, эти люди не солдаты. Фермеры и бродяги, которые сражаются за деньги или землю, чтобы так называемый Союз Фатрасты мог отвоевать у Кеца независимость.

– Чувствуешь запах? – спросила Дина.

Таниэль посмотрел на нее краем глаза. На лбу у Дины выступил пот, но шагала она так легко, будто совершала послеобеденную прогулку. На первый взгляд и не скажешь, но пожилая священнослужительница уставала на марше меньше, чем ополченцы.

Таниэля впечатлило и изрядно раздосадовало, что она последовала за ним, когда он записался в ополчение Фатрасты. Она настаивала на том, что люди нуждаются в духовном руководстве, и майор Бертро согласилась.

Дина сказала, что пообещала присматривать за Таниэлем и ей не хотелось бы подводить его отца.

Не дай Кресимир кому-либо подвести Тамаса.

– Во имя святого Кресимира, что за вонь? – спросил какой-то ополченец.

Несколько других проворчали тот же вопрос, и Таниэль принял, повернувшись в ту сторону, откуда дул ветер. Не пахло ничем, кроме дорожной пыли и немых тел колонистов. Что бы это могло быть...

Вот оно. Вонь обрушилась на него, как потерявшая управление тачка с коровьими лепешками. Тяжелый, насыщенный запах, будто разворошили пролежавшие всю зиму гнилые листья и навоз.

– Это болото, – сказала Дина, жуя сорванный по пути стебель тростника. – Его называют Тристанской низиной. Больше шести тысяч квадратных миль лесных топей. Чем дальше, тем хуже запах.

Она посмотрела на него, как будто это могло заставить его передумать.

– Вы хорошо знаете болота? – поинтересовался Таниэль.

– Мы с мужем здесь проповедовали, когда были моложе. Понимаешь, в те времена...

– Понимаю. Я лучше схожу к майору.

Таниэль убежал к голове колонны прежде, чем Дина разразилась одной из своих многословных историй.

Майор Бертро верхом на лошади оказалась там, где дорога выныривала из леса и взбиралась на холм, по которому они поднимались. Ее лицо ничего не выражало, но бегающие глаза выдавали нервозность. Она поглаживала пальцами грубый шрам на шее. Об этом шраме никто не осмеливался говорить.

Она была родом из Кеца, но появилась на свет в одном из городков в горах так близко к границе, что с тем же успехом могла считаться и адрианкой. Подобно

многим солдатам, завербовавшимся на эту войну, она провозглашала себя фатрастианкой.

И как у всех кезанских граждан, примкнувших к восставшим колонистам, у нее на голове была метка смерти. Бертро подняла воротник, чтобы скрыть шрам на шее, и кивком поприветствовала Таниэля:

– Капитан.

– Майор, – сказал Таниэль.

– Похоже, мы на месте.

Склон под ними постепенно переходил в плотную стену кипарисов. Деревья вырастали из мелководного заболоченного озера, и с вершины холма казалось, что леса простираются в бесконечность. Таниэль сразу понял, почему Тристанская низина считается идеальным местом для партизанских рейдов – она необъятная.

Никто не полезет за ними в эти болота.

– За кипарисами на многие мили заросли меч-травы, – сказала Бертро. – Трава выше домов и такая густая, что через нее не продраться даже с мечом.

Ее пальцы медленно поползли обратно к шее. Она была красивой женщиной с золотой косой, перекинутой через плечо, и милыми пухлыми щечками. Таниэль заметил ее заинтересованный взгляд и решил, что, если бы не упомянул о ждущей его в Адро невесте, Бертро взяла бы его в оборот.

– Только бы дикари сдержали слово, – сказала Бертро. При слове «дикари» ее губы слегка скривились. – Если мы залезем в болото и их там не окажется, чтобы нас провести, мы все пойдем на корм драконам уже ближайшей ночью.

– Драконам? – переспросил Таниэль.

– Болотные драконы, – пояснила Бертро. – Большие ящерицы. Больше лошади. Их челюсти перекусывают человека пополам.

Таниэль потрогал чехол со штыком на бедре. О гигантских ящерицах его не предупреждали. Упоминали змей. Эти твари ему тоже были не по душе, но в пороховом трансе он двигался быстрее, чем атакующая змея.

Сильнее ли он болотных драконов?

Таниэль достал из сумки на поясе табакерку и высыпал немного черного пороха на тыльную сторону ладони. Втянул его одним вдохом, и мир словно всколыхнулся и искривился под ним. Он расставил ноги пошире, чтобы не упасть, и через мгновение все снова обрело резкость, став четче, чем раньше.

Полностью отдавшись пороховому трансу, он снова оглядел Тристанскую низину и увидел в миле от себя большого удава на верхушке кипариса. Змея грелась на солнышке, выбрасывая и пряча черный раздвоенный язык.

– Есть известия от туземцев из Низины, сэр? – спросил Таниэль. – Или от наших разведчиков?

Бертро посмотрела на дорогу, по которой они прибыли.

– Уже должны были вернуться.

Таниэль подошел ближе к всаднице.

– Надо подтянуть колонну, – сказал он. – Если кезанцы застигнут нас вот так, у болотных драконов не останется шансов нас сожрать.

Бертро фыркнула.

– Я знаю, как обращаться с войском, капитан. – Ее голос внезапно похолодел. – Что же до вас, то, несмотря на ваши таланты и имя вашего отца, я что-то не припоминаю, чтобы вам доводилось обагрять руки кровью.

– Примите мои извинения, майор, – сказал Таниэль, подавив резкий ответ. Он здесь не для того, чтобы ссориться с офицерами Фатрасты. Он здесь для того, чтобы убивать кезанских солдат и, если будет на то милость Кресимира, кезанских Избранных.

Бертро посмотрела на дорогу, извивающуюся вниз по склону к болотам.

– Нам туда.

Подняв руку, она подозвала стоящего неподалеку мужчину.

– Сержант, соберите людей на вершине холма. Мы немного отдохнем, а потом совершим марш-бросок в Глейдсайд. Городок все еще должен быть нашим, но кто знает, где нарвешься на кезанский патруль. Мы зайдем город и подождем дикарей Низины. Не могли бы вы...

Она осеклась, услышав за спиной топот скачущей лошади.

Таниэль отчетливо видел, как некрупный мерин прокладывает путь между растянувшимися по дороге солдатами. И кто назвал их арьергардом?

Поравнявшись с майором Бертро, разведчик натянул поводья. Это был узколицый молодой человек, явно измученный долгой скачкой.

– Пять рот на марше, майор, – сообщил он, отдышавшись. – В цветах Кеза.

– Разумеется, это кезанцы, – рявкнула Бертро. – У нас нет пяти рот в этой части страны. Насколько они далеко?

– Будут здесь завтра к полудню.

Бертро посмотрела на солнце. Оно уже давно миновало зенит и клонилось к западному горизонту.

Таниэль заметил, что разведчик нервно ерзает в седле.

– Что-то еще, солдат?

– Ну... – Тот покосился на штуцер Таниэля и серебряный пороховой бочонок на его груди. – Видите ли, есть одна проблема...

У Таниэля внутри все сжалось.

– Избранный?

Парень кивнул.

– Что ж. – Таниэль заставил себя улыбнуться. – Я здесь именно за этим. Пущу ему пулю в глаз с расстояния в милю.

Во рту появился кислый привкус, когда он вспомнил, как всего несколько минут назад надеялся на то, что здесь окажется Избранный. Избранные – не те люди, на встречу с которыми стоит надеяться. Один Избранный, обладающий мощной магией стихий, опаснее, чем десять рот кезанских солдат. Избранные способны призвать на противника огонь и молнии с такой же легкостью, с какой Таниэль управляет пулями.

– Не хочу подпускать его так близко, – сказала Бертро. – Сержант, ускоренным маршем на Глейдсайд. Мы расположимся там на ночь и с рассветом двинемся в болота. С проводниками-дикарями или без них.

Таниэль оглянулся туда, откуда они пришли, и ему пришлось напомнить себе, что в ближайшее время рота драгун на дороге не появится. Они в безопасности.

Пока.

Если туземный проводник ждет в Глейдсайте, то к завтрашнему вечеру они углубятся в болота, а к концу недели будут нападать на кезанские города вокруг всей Тристанской низины.

А если Избранный настигнет их на открытом месте, они умрут прежде, чем успеют зарядить мушкеты.

Таниэль сидел на скамейке в углу просторного зала, выстукивая ногой ритм кабацкой песни, которую горланили солдаты. Комнату освещал тусклый свет камина и свечей, пахло элем и мокрой псиной. Время от времени пение заглушал грохот ливня по крыше.

Огрызком угольного карандаша Таниэль добавил пару завершающих линий к наброску Бертро, мягкими штрихами оттенив на шее шрам от веревки.

Три недели он украдкой бросал на нее взгляды, когда она не смотрела в его сторону, и уверился в том, что, скорее всего, не более пары месяцев назад Бертро пытались повесить. Ее шея не сломалась от рывка веревки, и женщину отпустили.

Интересно, почему ее отпустили?

Она сидела в другом конце зала, потягивая из кружки местный эль и покачивая головой в такт песни, но в остальном держалась особняком от своих людей. Остатки черного пороха в организме Таниэля все еще обеспечивали пороховой транс, и он отчетливо видел ее лицо.

На скамью напротив подсел коренастый, широкоплечий, похожий на бочонок мужчина и принялся ковыряться коротким пальцем в ухе. Сержант Мапель рассказывал, что его родители из Брудании, но мать была темнокожей деливкой, и он унаследовал ее внешность.

Мапель усмехнулся, отчего на черных щеках появились ямочки.

– Если майор застукает, что ты ее рисуешь...

– Не застукает. – Таниэль оторвался от потрепанного альбома в кожаном переплете и смерил Мапеля пренебрежительным взглядом. – Есть известия от дикарей?

Мапель озабоченно нахмурился. Туземный проводник уже должен был появиться, чтобы утром повести их через болота. В обмен на ружья Хруша, патроны и порох туземцы обещали помогать роте против Кеца и содействовать в набегах на контролируемые кезанцами городки вокруг Тристанской низины.

Хороший план, если дикари появятся раньше кезанцев.

– Дошли новости с побережья, – сказал Мапель.

– И?

– Кезанцы дотла сожгли Литтл-Старленд.

Рука Таниэля упала с альбома. Он проплывал Литтл-Старленд менее двух месяцев назад. Это была его первая встреча с новыми землями – торговый город, насчитывающий около восьмидесяти тысяч душ, растущий с каждым днем. Литтл-Старленд финансировал университет в Фатрасте. Университет в Фатрасте ничем не отличался от того, который Таниэль посещал в Адро.

– Дотла? – эхом отозвался Таниэль.

– Ничего не осталось.

В груди Таниэля закипел гнев. Палец чесался спустить курок, поймав на мушку кезанского Избранного. За этим порывом последовал приступ страха, и слабый голос спросил: «А если я промахнусь?»

– Кезанцы выигрывают войны грубой силой и жестокостью, – проговорил Мапель. – Они запугивают, чтобы держать...

– Я знаю о кезанцах все, – перебил Таниэль. Закрыв альбом, он уложил его в кожаную сумку, опасаясь, что порвет в гневе. – Я знаю, что кезанцы мстительные, беспощадные и стремятся прибрать к рукам все, что попадает им на глаза.

Он замолчал, положив руку на пистолет за поясом. Пистолет, купленный в Литтл-Старленде.

– Таниэль, – раздался негромкий голос.

– Что?!

Таниэль резко повернулся к Дине. Возглас получился гораздо громче, чем он хотел, и ему пришлось сделать глубокий вдох.

– Что? – спросил он снова, на этот раз тише, но не сумев сдержать раздражения.

– Неподходящее время для вас, священнослужительница, – сказал Мапель Дине. – Я только что довел капитана до белого каления. – Мапель отодвинул скамейку, будто приготовившись пуститься в бегство. – Похоже, он сильно ненавидит кезанцев.

Таниэль бросил на Дину предостерегающий взгляд. «Ни слова...»

– Кезанцы казнили его мать, – произнесла Дина, опустившись на скамью рядом с Таниэлем.

Мапель потрясенно открыл рот.

– Вы не имеете права, – бросил Таниэль.

Дина встретила его гнев, с вызовом склонив голову набок.

– Она была моей кузиной. Я имею полное право.

– И вы пытаетесь за нее отомстить, каждый вечер уговаривая меня вернуться? Уплыть обратно в Адро, где мне придется смотреть в глаза отцу и говорить, что у меня была возможность убивать кезанцев, а я ею не воспользовался?

Таниэль знал, что не следует на нее кричать. Она просто старалась поступать так, как считала правильным. К тому же возрастом она годилась ему в бабушки.

Дина замаялась, и Таниэль понял, что она здесь именно за этим.

– Я священнослужительница, а не воин. Война – это причуда молодых людей, а у меня есть дети, и у них тоже есть дети. Я здесь только потому, что твой отец попросил меня присматривать за тобой, а я держу слово.

– Вы не хотите защитить своих детей от кезанцев? – Таниэль бросил взгляд на Мапеля, ища поддержки, но обнаружил, что сержант улизнул. Таниэль послал ему мысленное проклятие.

Дина подняла бровь.

– Я кезанка.

– Но вы...

– С тобой? Здесь? Я знаю. Я же сказала, что держу слово.

Таниэль смущенно заморгал.

– Но ведь кезанцы казнят вас, если обнаружат, что вы...

Он осекся, внезапно осознав, на какой риск она пошла, отправившись вместе с ним. И все в надежде уговорить его бросить войну.

– Если кезанцы поймут меня при попытке покинуть страну, меня казнят на месте, – сказал Таниэль. – Вы знаете, как они относятся к пороховым магам.

Он отказывался связывать Дину с Кезом. В конце концов, она была членом семьи.

– Думаешь, они рискнут разгневать твоего отца во второй раз?

Дина понятия не имела, как мало Таниэль значил для собственного отца.

– Думаю, они ухватятся за возможность поставить его на колени.

– Один мой друг много лет занимается контрабандой табака в обход кезанских пошлин. Он может без риска переправить тебя в Адро.

– Я... – начал было Таниэль и замолк.

Он не хотел упускать свой первый шанс пролить кезанскую кровь. Он поклялся самому себе, что не вернется в Адро без хотя бы дюжины насечек на прикладе. Если же Дина позволит кезанцам себя убить, Таниэль не собирался обременять этим свою совесть.

– Пойду прогуляюсь, – сказал он.

Схватив штуцер и сумку, он вышел на крыльцо.

Дождю удалось очистить воздух от болотной вони. Под навесом сидели шестеро ополченцев с трубками или сигаретами в зубах и молча смотрели на ливень. Они знали, что утром предстоит выступить в болота, и никого из них эта мысль не радовала.

Поприветствовать Таниэля удосужился только один.

Отвратительная дисциплина.

Таниэль несколько мгновений глядел во мрак. Пелена дождя размыла то, что не удалось скрыть темноте. Можно было различить только грубые очертания зданий – большинство фонарей на них погасили на ночь.

Он уловил какую-то тень посреди дороги и, нахмурившись, сосредоточился на ней. Человек? С чего бы ему стоять под дождем?

Не сводя глаз с тени из опасения, что та исчезнет, стоит ему отвернуться, Таниэль насыпал на тыльную сторону ладони полоску черного пороха.

И втянул его носом.

Когда его охватил пороховой транс, очертания городских зданий отчетливо проступили сквозь темноту, дождь посветлел, словно освещенный фонарем, а тень превратилась в девушку.

Ей было не больше четырнадцати. Промокшие волосы до плеч, сумка через плечо. Бледная кожа усеяна серыми веснушками, похожими на крупинки пепла. Таниэль решил, что при свете дня ее волосы окажутся рыжими.

Туземная девчонка, ничего более.

Тогда почему заколотилось сердце? Инстинкт, более глубокий, чем любые ощущения, закричал об опасности, и Таниэль поймал себя на том, что бессознательно приготовился к бегству.

Девушка встретилась с ним взглядом сквозь пелену дождя, и Таниэль начал поднимать ружье, не вполне уверенный в том, что собирается сделать. Выстрелить в девчонку-дикарку? Он не убивает детей. Такой поступок, несомненно, настроит проводников против ополченцев и тем самым погубит всю экспедицию.

Таниэль взял себя в руки и открыл третий глаз, чтобы заглянуть в Иное и определить, где магия касается мира. Все вдруг исказилось, темнота вспыхнула мириадами пастельных оттенков – поблизости магия.

Девушка тускло светилась.

Она была магом.

Он слышал о туземных колдунах. Их называли Всевидащими. О них было известно очень мало, только то, что их колдовство отличается от магии Избранных и транса пороховых магов.

Что она там делает под таким дождем?

Таниэль повернулся, чтобы спросить одного из курящих под навесом, видит ли тот девушку, но уловил что-то краем глаза.

На дороге, на полпути к возвышающемуся над городом холму Таниэль разглядел в Ином сильное цветное свечение.

– Избранный! – заорал он, выскакивая на улицу прямо в грязь. В этот миг молния прорезала воздух и ударила в дом за его спиной.

После взрыва у Таниэля звенело в ушах. Он с трудом поднялся на ноги. Большая часть дома разлетелась по всей улице на обломки не более фута длиной. То, что осталось, было охвачено огнем. Таниэль слышал крики умирающих и раненых.

Он помог кому-то встать – одному из ополченцев, кутивших на крыльце, – и попытался открыть чехол со штыком. Там, где Избранный, будут и кезанские солдаты.

Заморгал, пытаясь избавиться от послеобраза молнии и снова привыкнуть к темноте. Через несколько мгновений увидел бегущих по дороге к городу кезанских солдат с выставленными штыками. Поверх мундиров на них были холщовые пончо.

Они существенно превосходили ополченцев Фатрасты в численности. Даже без кезанского Избранного вся рота будет уничтожена в считанные минуты.

– Бежим в болота! – воскликнул Таниэль.

– Ты спятил? – спросил ополченец.

– Проклятье! Это единственный шанс. В кипарисы!

Таниэль устремился к тлеющим развалинам дома. Выжившие поднимались на ноги с оружием в руках. Майора Бертро он не нашел, зато схватил за плечо сержанта Мапеля.

– В болота. – Таниэль указал в противоположную от приближающихся кезанцев сторону.

Мапель кивнул и начал выкрикивать приказы к отступлению.

– Дина! – позвал Таниэль. – Дина, проклятье!

Отпихнув с пути скамью, он занялся проверкой обожженных тел, принявших на себя основной удар магии.

– Сюда.

Пожилая священнослужительница уже была на ногах и отправляла людей следом за сержантом Мапелем.

Таниэль подавил вздох облегчения. Он не хотел, чтобы на его руках была кровь родственницы, пусть она и кезанка.

– Вы видели Бертро?

– На улице, – сказала Дина.

Таниэль бросился обратно на улицу, где и нашел майора Бертро. Та выстраивала шеренгу человек из двадцати, чтобы отразить атаку кезанской пехоты.

– Нам нужно затеряться в лесу, – крикнул ей Таниэль.

Бертро выхватила шпагу.

– Это арьергард. Уходите с остальными!

– Это самоубийство!

Слова Таниэля заглушил раскат грома, последовавший за вспышкой молнии. Молния ударила в соседнее здание, и в ее свете он увидел ту же дикарку, стоящую на обочине спиной к болотам.

И тут на них обрушились кезанцы.

Таниэль прикладом отразил штык и обругал себя за то, что не примкнул собственный штык, пока была возможность. Кровь стучала в ушах. Он крутанул штуцер, чтобы схватиться за ствол, как его учили, и врезать прикладом кезанскому солдату по лицу.

Воздух заполнился криками и лязгом стали. Таниэль выхватил из-за пояса пистолет – чутье порохового мага подсказало, что порох в нем по-прежнему сухой, – и выстрелил в пехотинца.

Майор Бертро резко развернулась, сделала выпад шпагой, и на Таниэля навалилось мертвое тело кезанского солдата, которому клинок угодил прямо в сердце.

Таниэль оттолкнул его и, не тратя время на то, чтобы поблагодарить Бертро, ловко вытащил штык из чехла, присоединил к штуцеру и повернул кольцо, чтобы убедиться, что тот вошел на место. Перенес вес на отставленную ногу, присел, увернувшись от выпада пехотинца, и направил штык тому в глаз.

«Благодаря пороху в венах ты будешь быстрее других людей – как будто они двигаются под водой, а ты нет, – говорил ему отец. – Это ощущение знакомо тебе по тренировкам, но ты не осознаешь его в полной мере, пока не испытаешь в настоящем бою».

Таниэль вдруг понял, что имел в виду отец. Он чувствовал, что реагирует быстрее, чем люди вокруг, даже быстрее, чем опытная фехтовальщица Бертро. Словно драка с детьми.

У них нет шансов.

«Не позволяй себе стать слишком самоуверенным. Доверься своей реакции, и ты убьешь врага прежде, чем тот поймет, с чем сражается».

Таниэль сразил еще трех пехотинцев, и драться стало не с кем. По дороге продолжали наступать кезанцы, но атаку первого отряда удалось отбить.

Бертро уставилась на него, вытаращив глаза.

– Бездна, какой вы быстрый!

– В болота, – сказал Таниэль.

– К деревьям! Бегом. Оставьте раненых. – При этих словах она поморщилась.

Они помчались по городским улицам, удирая от магии. Сверкнула молния, над головами пронеслись огненные шары и взорвались среди домов с такой силой, будто стреляли из мортиры. Таниэль подумывал, не спрятаться ли где-нибудь от пехоты и пристрелить Избранного, но понимал, что это глупый риск. Можно попытаться, когда пехота затеряется в болотах. Он увидел, что пожилая женщина хромает впереди него.

– Идемте, Дина, нужно двигаться быстрее!

Таниэль перебросил руку Дины через плечо и практически понес ее на себе. Хромота не предвещала ничего хорошего – открытая рана на болоте могла привести к медленной смерти от заражения или же к быстрой в зубах хищников.

Мимо них пробегали ополченцы Фатрасты, стремясь спасти свои шкуры в относительной безопасности болот. Таниэль узнал нескольких человек из арьергарда Бертро. Он с Диной отступали последними.

Таниэль разглядел впереди неясно вырисовывающийся в темноте край кипарисового леса. Он был готов к тому, что земля уйдет из-под ног и под сапогами заплещется река Тристан, но крутой склон возник так внезапно, что Таниэль все же споткнулся и свалился в реку. Он шлепнулся в воду спиной, отплеываясь и ругаясь.

Пошарив в поисках сумки и ружья, вытащил их из воды.

– Вы в порядке?

– Да, – прохрипела Дина.

Чутье порохового мага подсказало, что большая часть зарядов промокла. Таниэль промедлил только затем, чтобы вдохнуть щепотку пороха из оставшегося сухим патрона, чтобы обновить транс.

«Полегче с порохом, – всегда говорил отец. – Даже самый сильный маг рискует впасть в пороховую зависимость».

Таниэль прогнал эту мысль. Сейчас не время для подобной осмотрительности.

Для его усиленного трансом зрения в темноте оставалось мало секретов, но падение со склона напомнило об осторожности. Вместе с Диной они начали потихоньку пробираться вглубь болота.

– Держись твердой земли, – сказала Дина. – Под водой ничего не видно. Тут повсюду ямы – они тебя затамят. Ступай по одному шагу, а если почувствуешь, что нога не находит опоры, возвращайся на твердый грунт. – Она говорила хрипло и торопливо. – По одному шагу... О Кресимир, дай мне сил!

– Нам нельзя останавливаться, – напомнил Таниэль, когда Дина начала заваливаться.

– Я в порядке, – настаивала женщина. – Идем дальше. Над водой повсюду будут островки сухой земли – лучшие места, чтобы передохнуть.

Следующие слова Таниэля замерли на губах, когда он заметил девчонку-дикарку, которую видел на улице перед боем. Как и в городе, она стояла шагах в двадцати, лицом к нему, с бесстрастным видом. Таниэль встретился с ней взглядом, и по его спине будто поползли холодные пальцы.

– Вы видите?..

– Я ничего не вижу в этой проклятой темноте, – проворчала Дина. – Ты пороховой маг, вот и веди нас.

– Там... – Таниэль отвел взгляд лишь на мгновение, но девчонка уже исчезла.

Позади раздались крики, и он понял, что выбор невелик: либо двигаться быстрее, рискуя угодить в яму, либо позволить кезанским солдатам себя догнать.

Бросив поспешный взгляд назад, он обнаружил, что кезанцы вошли в болото примерно в ста ярдах от него. У них были фонари, защищенные от дождя колпаками.

Придется убежать, рискуя провалиться в яму, а то и попасться на зуб болотным драконам.

Там, впереди. Опять эта туземная девчонка. В Таниэле боролись гнев и страх. Кто она такая? Чего хочет? Почему преследует его?

– Там девчонка, – прошипел Таниэль.

Дина вцепилась в него.

– Что ты сказал?

– Дикарка. Впереди, наблюдает за нами. – Он хотел назвать ее духом, но сдержался. Нечего пугать Дину. Священнослужители чувствительны к таким вещам. – Я слышал истории...

– Сейчас не до суеверий, – оборвала его Дина. – Должно быть, она из племени, пришла, чтобы провести нас. За ней!

Таниэль сделал шаг, и нога по колено утонула в грязи.

– Яма!

Он попытался шагнуть обратно, но нога слишком сильно увязла, лишив его опоры.

– Не двигайся, – приказала Дина.

Уши Таниэля наполнило ее хрипкое дыхание, она вцепилась ему в плечо.

– Я стою крепко, – сказала она. – Сейчас тебя потяну. Подожди, пока...

Внезапно Таниэля ослепил свет, выжегший на сетчатке лицо Дины. Он почувствовал, что его плечо выпустили, и упал спиной в грязь, молотя руками в поисках опоры. Правая рука погрузилась в жижу, и он решил было, что его засасывает окончательно, как вдруг кончика пальца коснулось что-то твердое.

Он заставил себя замереть. От барахтанья только хуже. Таниэль сосредоточился на том, чтобы держаться на плаву над ямой, одной рукой крепко ухватившись за камень под водой. Только это удерживало его от погружения на дно.

Он оттолкнулся этой рукой, ощутил, что лицо оказалось над водой, и жадно глотнул воздух.

«Спокойно», – напомнил он себе и, стараясь дышать размеренно, начал выбираться из ямы.

Вспомнилось лицо Дины во вспышке молнии: открытый рот, распахнутые глаза, мертвенно-бледная кожа. Он понял, что, скорее всего, она уже была мертва, когда падала в воду.

Глаза залепила грязь, в боку вспыхнула боль, которой еще минуту назад не было. Его подстрелили? Или что-то вывихнул, когда падал?

Он услышал поблизости плеск шагов, сердце заколотилось как мушкетный залп. В воде и грязи от всей его подготовки и магических способностей было мало толку. Любой мог подойти и просто утопить его.

– Взгляните, миледи, – произнес мужской голос по-кезански. – Разрезало надвое. Отличный прицел.

Другой голос, женский, с хорошо поставленной дикцией, спросил:

– Это пороховой маг?

– Трудно сказать, тело быстро тонет. Лица не видно.

Тело. Дина.

Женщина фыркнула.

– Их здесь было двое. Я попала в обоих?

Спустя несколько мгновений Таниэль понял, что они ищут его. Судя по голосам, они стояли к нему спиной. Он заставил себя дышать как можно тише и взмолился Кресимиру, чтобы они не обернулись.

– Яма глубокая, миледи. Невозможно достать дна шестом. Должно быть, его затащило в грязь. Видите, как быстро исчез труп?

– Мне нужны доказательства смерти порохового мага. Отметь место. Я вернусь утром и подниму трупы.

– К тому времени их сожрут рыбы и болотные драконы, миледи.

– Просто отметь место. У нас еще есть на кого охотиться.

– Да, миледи.

Таниэль затаился, едва дыша и стараясь не представлять себе, как его медленно затягивает в трясины.

Двое ушли, шлепая сапогами по воде. Таниэль прислушивался к другим солдатам, перекрикивающимся на кезанском. Поиски продолжались еще по меньшей мере час, и все это время он оставался неподвижным. Только долгие годы обучения стоять по стойке смирно позволили ему это выдержать.

Сильно болел бок, и Таниэль знал, что теряет кровь, но не мог сказать, как много. Боль усиливалась по мере того, как проходил пороховой транс. Он дрожал от холода в болотной воде.

Не успели затихнуть выкрики солдат, как Таниэль почувствовал какое-то движение рядом с ногой. Прикосновение было нежным, будто по коже скользнул атлас, и ему сразу пришли на ум истории о таившихся в болотах тварях: змеях, хищных рыбах и болотных драконах.

Больше ждать нельзя. Нужно вернуться на твердую землю, отыскать, если получится, ружье и снаряжение и до наступления утра забраться подальше в болота. Стараясь двигаться медленно, он подтянул ногу. Полностью высунув голову над водой, стер с глаз грязь. Пороховой транс прошел, и мир укутывала тьма. Одежда промокла, мышцы заоченели. Что-то опять коснулось ноги.

Даже наполовину ослепленный грязью, сквозь покров тьмы Таниэль разглядел фигуру дикарки, стоящей на берегу в трех футах от него.

Его пробрал страх. Спустя несколько мгновений он заставил себя посмотреть ей в глаза и протянул руку, нащупывая твердую землю. Вдруг что-то вцепилось ему в ногу и дернуло. Он ушел под воду прежде, чем с губ успел сорваться крик.

– Куда ты меня ведешь, девчонка?

Было раннее утро, болото кишело жизнью. Таниэль хромал в десяти шагах позади дикарки, осматривая окрестности. Он заметил пару болотных драконов, высунувших из-под воды ноздри, и содрогнулся, вспомнив зубы, схватившие его за ногу прошлой ночью.

Девушка уже направилась в обход тварей.

Она молчала всю ночь: внимательно глядела на него, когда он говорил, но ни разу не ответила. Таниэль задавался вопросом, понимает ли она адроанский и может ли вообще говорить. Издавала ли она какой-нибудь боевой клич, когда прыгнула в грязь и двумя ударами мачете убила молодого болотного дракона?

Он не мог вспомнить. Был слишком занят, пытаясь вырваться.

Ему повезло, что тварь зацепила только штанину. Потеряй он ногу, рана в боку отошла бы на второй план.

Пороховой транс сходил на нет. Он поддерживал его всю ночь, каждые полчаса нюхая по шепотке из оставшегося сухим пороха, но знал, что если примет больше, то запаса не хватит, чтобы сразиться с кезанцами, случись им с девушкой наткнуться на патруль.

Таниэль все еще цеплялся за надежду найти выживших ополченцев, хотя за все утро ему не попало ни следа. Все вопросы о них туземка оставляла без ответа.

Он остановился и присел перевести дух на старые изогнутые корни кипариса. Одежда испачкалась и промокла, ружье пропало в болоте. Чтобы выжить, из всего снаряжения остались только мокрая сумка и один-единственный пистолет.

И дикарка.

– Подожди, – сказал Таниэль.

Девушка обернулась и резко покачала головой, махнув рукой вперед. Так она впервые подтвердила, что вообще понимает его слова. Она показала на себя и на него и подвигала пальцами, будто они шагают.

– Мне нужно обработать рану, – сказал Таниэль. – Иначе будут проблемы.

Проблемы уже начались. С каждым шагом он рисковал подхватить какую-нибудь болезнь, инфекцию или истечь кровью и упорно двигался вперед только потому, что понимал: от кезанцев нужно уйти как можно дальше.

Девушка пошлепала к нему по воде, и Таниэль задрал рубашку, чтобы показать рану.

Порез оказался скверным. Покрытый коркой грязи и воспаленный, почти шести дюймов длиной, он пересекал левый бок прямо под рукой. Вероятно, грязь спасла Таниэлю жизнь, предотвратив кровотечение в последние семь-восемь часов, но теперь главную опасность представляла инфекция.

Девушка жестом приказала следовать за собой и привела его на поросший деревьями островок: шагов пятьдесят в поперечнике, он возвышался над водой фута на три. Она немедленно начала обламывать сухие ветки с деревьев и подбирать хворост с верхушки островка.

– Не надо костра, – сказал Таниэль, бросив сумку. Глаза слипались. Ему необходимо отдохнуть или принять еще пороха. – Дым увидят, нельзя рисковать.

Он поднялся на ноги, но девушка сильным тычком ладони отправила его обратно на землю.

– Ох! – Бездна, какая она сильная.

Двадцать минут спустя костер горел, и дикарка подкладывала в него сухие ветки. Без спросу порывшись в сумке Таниэля, она вытащила маленький котелок.

Таниэль был слишком слаб, чтобы протестовать.

Она поставила котелок с водой на огонь и направилась в болото, жестом велев Таниэлю оставаться на месте. Он лишь усмехнулся:

– Я никуда не денусь.

Вскоре она вернулась с куском лианы толщиной с ее запястье, положила его на землю, разрешила вдоль и умело выскребла из сердцевины белую мякоть.

Таниэль наблюдал за ее работой. Может быть, эта лиана – какое-то местное лекарство?

«Туземцы всегда лучше знают свою землю, – вспомнился ему голос отца. – Они могут найти пресную воду в пустыне, знают, какие животные ядовитые. У них есть лечебные травы, о которых ты никогда не слышал. Однако будь внимательным. Они также могут убить тебя, делая вид, что пытаются помочь».

Что ж, у девушки уже была возможность дать ему умереть. Без ее помощи он бы не выбрался из этого Кресимиром проклятого болота.

Таниэль промыл рану кипяченой водой, а затем обрезал ножом обгоревшую плоть, приняв порцию пороха, чтобы справиться с болью. Девушка обложила рану мякотью лианы и обвязала корой вместо бинта, обернув ее вокруг груди и закрепив на другом боку.

Он откинулся на спину и стал наблюдать за тем, как она швыряет камни в болотного дракона, который выполз на их островок. Бок онемел, и Таниэль прижал к груди пистолет. Нельзя засыпать.

Неизвестно, сколько кезанцев рыскает по болоту и прочесывает ли топи в поисках порохового мага кезанская Избранная.

Таниэль проснулся через несколько часов. Судя по солнцу, проникающему сквозь кроны кипарисов, было больше четырех пополудни.

Боль в боку прошла, онемевшая левая рука плохо слушалась. Наркотик, которым девушка обложила рану, оказался сильным.

Самой дикарки не было видно, на болоте царил необычная тишина. Таниэль поднялся на ноги и обнаружил, что пистолет уже у него в руке. Он убедился, что оружие заряжено, ствол не забит, а заряд сухой.

Маленькая щепотка пороха прояснила разум и разогнала кровь, но все еще ощущалась вялость в руках и ногах.

Действительно сильный наркотик.

Таниэль знал, что порох нужно беречь, но транс прибавит ему сил и поможет думать. Кроме того, сопутствующее обострение восприятия казалось слишком заманчивым, чтобы от него отказываться.

Шум заставил Таниэля завертеть головой. На дереве, под которым он спал, сидела дикарка с мачете в ножнах, примостившись на ветке, как сова. В одной руке она держала стебель тростника толщиной с угольный карандаш, каким Таниэль рисовал в своем альбоме, и медленно постукивала им по стволу дерева, склонив голову, будто к чему-то прислушивалась.

Она указала сначала на него, потом на пепел от костра.

Таниэль забрал котелок, уложил его в сумку, а затем спихнул пепел ногой в воду.

Девушка слезла по серому шершавому стволу кипариса и легко приземлилась на босые ноги. Подняла четыре пальца и указала на юг, а затем поспешно сбежала с островка. Не успел Таниэль вымолвить и слова, как она уже исчезла под водой. На поверхности остались лишь легкая рябь да длинный подрагивающий стебель тростника, которого мгновение назад еще не было.

До ушей Таниэля донеслись отдаленные всплески: кто-то приближался по болоту. Определив, с какой стороны они слышатся, он спрятался за кипарисом, присел на корточки и стал ждать.

Шли прямо к нему. Он высыпал полоску черного пороха на тыльную сторону ладони, вдохнул его, так что все вокруг загудело, и выглянул из-за дерева.

Их было четверо. Трое кезанских солдат двигались треугольником. Тот, что шел впереди, осторожно прокладывал путь по воде. Четвертого со связанными руками тянули следом на веревке, прикрепленной к поясу одного из солдат.

Пленник оказался туземцем. Он был значительно выше девушки, жилистый, узкоплечий. Таниэль предположил, что ему лет двадцать пять. Короткие светло-рыжие волосы открывали уши, а кожа была такой же пепельной и веснушчатой, как у дикарки.

Солдаты шли молча, все их внимание уходило на высматривание болотных драконов и змей. Мушкеты со штыками они держали наизготовку.

Таниэль ждал в своем укрытии за большим кипарисом, пока они подойдут. У него был только пистолет. Дать им пройти, затаившись, как девушка? Или попытаться захватить их в плен и спасти туземца? Он мог силой мысли поджечь порох в их мушкетах, разом убив или ранив всех трех, но ему не хватало мастерства направить взрывы в нужную сторону, и пленник мог пострадать.

Если же дело дойдет до драки, то все трое вооружены лучше. Могут его и одолеть.

Таниэль прижался спиной к кипарису и медленно двинулся вокруг ствола, стараясь, чтобы дерево оставалось между ним и солдатами.

Внезапно всплески прекратились.

– Здесь кто-то был, – сказал один из солдат на кезанском. – Это пепел?

Всплески приблизились к островку.

– Здесь был костер. Видите следы сапог? Здесь кто-то был совсем недавно.

Один из этих проклятых мятежников. – Он перешел на адроанский. – Эй, дикарь, кто еще тут сегодня шастает? – Пауза, затем: – Слышишь, мальчишка? Я знаю, что ты меня понимаешь.

Послышался глухой удар прикладом по телу, и кто-то охнул, но не закричал.

– Пепел теплый? – спросил один из солдат на кезанском.

Таниэль услышал, как солдат выбрался на островок, под сапогами зачавкала грязь. Дыхание Таниэля участилось. Внезапно в его поле зрения появился человек. Медленно, чтобы не привлекать внимания, Таниэль навел на него пистолет.

Солдат наклонился над остатками костра и сунул палец в пепел.

– Чуть теплый. Они были здесь всего пару часов назад. Я...

Он повернул голову. При виде Таниэля его глаза расширились.

– Оружие на землю, – сказал Таниэль на кезанском.

Солдат уронил мушкет.

– Кто там? – крикнул другой солдат.

– Мятежник, – ответил кезанец. – Я у него под прицелом.

– Бросьте мушкеты! – закричал Таниэль.

Солдат облизнул губы и встретился с ним взглядом.

– Он один! – завопил он, бросившись в сторону.

Таниэль проследил за его движением, за тем, как он подхватывает свой мушкет и прицеливается.

Затем нажал на спусковой крючок, направив выстрел солдату в сердце.

Развернулся к двум оставшимся, крутанув пистолет, взялся за ствол, ощутил ладонью, какой он горячий. У Таниэля было полсекунды, чтобы решить, поджечь ли порох, чтобы убить обоих солдат, подвергнув риску пленника, или же пересечь разделяющее их пространство и напасть. Придется уворачиваться от штыков, а его единственное оружие – рукоятка разряженного пистолета.

Возле солдат взметнулись брызги. Дикарка вынырнула и, размахивая мачете, завертелась волчком, так что волосы хлестали из стороны в сторону. Одному солдату она рассекла подколенное сухожилие, другому распорола живот, вернулась к первому и перерезала тому горло.

Все это заняло полудара сердца. Не успел Таниэль глазом моргнуть, как оба мужчины были повержены.

Вдвоем с девушкой они втащили тела на островок.

Пленный туземец не дрогнул во время короткой жестокой расправы и даже прыгнул на подстреленного Таниэлем солдата, чтобы прикончить того голыми руками. Пренебрежительным взглядом обвел три тела, и Таниэль решил, что он привык убивать.

– Я Милги из племени Тихой Воды, – сказал туземец низким голосом. Его адроанский можно было понять с большим трудом.

– Я Таниэль. Капитан ополчения Фатрасты. И пороховой маг.

Последнее он добавил, чтобы придать больше веса словам, но, обмениваясь рукопожатием с дикарем, засомневался, знает ли тот, кто такие пороховые маги. Он пожал руку дикарю!

Девушка уже начала обшаривать трупы в поисках чего-нибудь полезного. Милги не поднимался на островок, стоял по колено в воде. Таниэлю показалось, что он заметил в глазах мужчины страх, когда тот посмотрел на девушку.

– Это ты должен был встретить нас в Глейдсайте? – спросил Таниэль.

– Да. Ваша рота явилась слишком рано, и кезанцы... – Милги прервался, чтобы плюнуть на одно из тел, – ...добрались до вас раньше.

– Кто-нибудь еще спасся?

– Большая часть роты. Как раз сейчас мои братья ведут их в нашу деревню.

Таниэль облегченно вздохнул.

– Я искал вас, когда эти трое застали меня врасплох, – продолжил Милги. – Вышло...

– Досадно?

– Да.

Девушка нашла у одного из солдат пороховой рожок. Открыла его, проверила порох, закрыла и бросила Таниэлю.

Таниэль поймал рожок одной рукой.

– Можешь отвести меня к ним?

– Могу, – ответил Милги.

– Отлично. Идем, пока не наравались на другой патруль.

Таниэль выбрал лучший из трех мушкетов и примкнул штык. Он предпочитал штуцеры – они точнее бьют с большого расстояния, и это делает пороховых магов такими смертоносными. Чем ровнее летит пуля, тем меньше усилий приходится прилагать, чтобы направлять ее. Но сгодится и мушкет.

Тела они оставили, чтобы их нашли кезанцы, если успеют раньше болотных драконов.

– Страх, – пояснил Милги, когда Таниэль хотел спрятать трупы. – Сомнение. Болота уже пугают их. Так им станет еще хуже.

Дикарка шла впереди, жестами указывая на змей и болотных драконов, которых нужно обойти. Мужчины пробирались следом.

– Как ее зовут? – Таниэль указал на девушку.

Милги некоторое время наблюдал за ней, и в его глазах мелькала настороженность.

– Ка-Поэль.

– Странное имя. Странная девушка.

– По правде говоря, я не ожидал найти вас... – Дикарь понизил голос, – ...с ней.

– Разве она не из ваших?

Он ответил медленно и неохотно:

– Да. И нет. Ей нет места в нашем племени. Она чужестранка, приплыла из-за узкого моря с далекого запада. Но она Всевидящая, и мы не можем ее прогнать.

– Дайнизка? – спросил Таниэль.

– Да.

О дайнизах было мало что известно кроме того, что их огромная империя раскинулась к западу от Фатрасты, а границы десятилетиями были закрыты для чужеземцев. Судя по внешности и языку, туземцы Фатрасты приходились им дальними родичами, но отличались не меньше, чем адроанцы от кезанцев.

Таниэль заметил, что девушка слегка повернула к ним голову, бесшумно пробираясь через болото. Прислушивалась.

– Она может говорить?

– Нет.

Таниэль почувствовал, что ему на плечо легла рука, повернулся и увидел, что Милги остановился.

– Не доверяйте ей, – сказал туземец.

– Она спасла мне жизнь. И уже не раз, хотя солнце еще высоко.

Милги не понял юмора, и остроумие Таниэля увяло.

– Не доверяйте, – повторил Милги, прежде чем двинуться дальше.

Таниэль поспешил его догнать.

– Ты что-нибудь знаешь о кезанцах, которые напали на нас?

– Только то, что сказала сегодня утром ваш майор, когда мы нашли ваших людей. Пять рот. Более тысячи мушкетов и одна Избранная.

– Майор Бертро выжила? Рад это слышать. Ваша деревня достаточно далеко в болотах? Мы сможем укрыться, если нас будут искать?

Милги нахмурился.

– От людей? Далеко. Дальше в болотах глубоко и мало островков. Тысяча человек могут искать нас годами. – Он помолчал. – Но когда меня взяли в плен, я притворился, что не знаю их языка, и слушал, о чем солдаты разговаривают между собой. Они сказали, что их Избранная собирается выжечь путь через топи.

У Таниэля внутри все похолодело.

– Я уверен, что они нас не найдут. – Милги махнул рукой, будто отгоняя опасения.

Таниэлю была знакома магия Избранных. Он знал, на что они способны. Отец рассказывал о некоторых сильнейших главах Королевских советов Девятиземья, которые могли небрежным жестом перебить тысячи людей.

Прошлой ночью, когда Избранная напала на роту, он ощутил ее силу. Не такая сильная, как глава Королевского совета, но точно не самозванка. Она сможет перевернуть землю, сжечь деревья и заставить воду расступиться, чтобы безопасно провести своих людей через болото и разыскать ополченцев и туземцев, где бы они ни прятались.

– Мы должны вернуться, – сказал Таниэль.

Милги замер и уставился на него.

– Кезанцы встали лагерем в Глейдсайде? – спросил Таниэль.

– Да, но мы не можем вернуться, – ответил Милги. – Глубоко в болотах они нас не найдут. Против Избранной ничего нельзя сделать, только спрятаться.

– Я пороховой маг.

Таниэль чувствовал себя не слишком хорошо. Бок ныл, голова кружилась от голода, ноги болели. С прошлой ночи он так и не обсох, а при мысли оказаться рядом с Избранной готов был обмочиться от страха.

Но если он не вернется, рота ополченцев и их туземные союзники погибнут.

– Избранная. – Милги погрозил пальцем под носом у Таниэля, будто тот был непонятливым ребенком. – У вас нет Избранных, и вы не можете с ними сражаться.

– Пороховые маги, – произнес Таниэль, повторяя то, что отец годами вдалбливал в него, – были созданы для одного: убивать Избранных.

Он заставил себя выговорить эти слова, гадая, верит ли в них сам. Сидя в казармах и слушая рассказы отца, легко было думать, что ему по силам убить Избранного. Однако теперь, когда его и их магию разделяла лишь одна миля и одна пуля, подобной уверенности он не испытывал.

Милги разрывался между двумя решениями. Он то смотрел в ту сторону, куда они направлялись, то в ту, откуда пришли.

– Нет, – твердо сказал он. – Нет ничего постыдного в том, чтобы прятаться от Избранного. Мы не можем с ними сражаться.

Таниэль повернул назад.

– Я иду.

– Тогда вы пойдете один. И не сможете найти дорогу.

Таниэль попытался сориентироваться, но Милги был прав. В этих болотах легко заблудиться. Он не знал местности и не умел определять, где под водой прячутся болотные драконы и хищные рыбы.

– Ка-Поэль! – крикнул он и вздрогнул, обнаружив, что девушка уже стоит рядом. – Ка-Поэль, можешь отвести меня обратно к Глейдсайду?

Она одарила Милги насмешливой улыбкой и кивнула.

– Она не боится, – сказал Милги. – Она вас погубит.

Прищурившись, Ка-Поэль посмотрела на Милги, и мужчина сделал полшага назад.

– Мне сейчас некогда бояться, – ответил Таниэль. – Я должен кое-кого убить.

Он мог поклясться, что при этих словах зеленые глаза Ка-Поэль сверкнули.

– Нужно выйти из болот севернее или южнее Глейдсайда. Лучше всего в двух милях от города – оттуда я смогу сделать точный выстрел и без помех отступить.

Ка-Поэль выслушала, наморщив лоб, и коротко кивнула.

Они оставили Милги, и Ка-Поэль повела Таниэля обратно тем же путем. Царило безветрие, поверхность воды была неподвижной. Таниэль заговорил, стараясь отвлечься от боли в боку:

– Тут все выглядит одинаковым. Как ты понимаешь, куда идти?

Ка-Поэль двумя пальцами показала на свои глаза, а затем на лес. Махнула на ближайший островок с ситарубами и чернильными деревьями, а потом на приметный искривленный кипарис слева. Ткнула пальцем назад, на лежащий в воде валун.

– Это ориентиры? – уточнил Таниэль.

Она кивнула.

Его учили точно так же прокладывать путь и выживать в незнакомой местности, но казалось, что ориентиров на этом болоте не так уж много. Похоже, придется быть внимательнее, чтобы их засечь.

Когда начали сгущаться сумерки, Ка-Поэль остановила Таниэля, упершись ему в грудь ладонью. Показала на небо и повторила рукой путь солнца до самого горизонта.

– Скоро стемнеет?

Кивок. Она пошевелила пальцами, изображая шаги, и показала на лес вокруг, а потом провела пальцем по горлу.

– Очень опасно после наступления темноты.

Еще кивок. Она слабо улыбнулась и развела руки. Что он решит?

– Ты хорошо видишь в темноте?

Он вспомнил, как прошлой ночью она вводила его через болото от кезанского поискового отряда.

Она неопределенно покрутила рукой. «Так себе».

– Порох. – Таниэль высыпал черную полоску на тыльную сторону ладони и вдохнул ее. – Порох позволяет мне видеть в темноте почти как днем. Пойдем дальше. Сделаем привал за пределами болота. Мне не особенно уютно спать со змеями, болотными драконами и кезанскими патрулями под боком.

Ка-Поэль кивнула.

Солнце зашло прежде, чем им удалось выбраться из болота. Поднявшись на граничащий с Тристанской низиной холм, они прошли еще с четверть мили и разбили лагерь, постаравшись устроиться как можно удобнее без костра и постелей.

Первым караулил Таниэль.

Он не стал будить Ка-Поэль, когда пришла ее очередь. Он знал, что не сможет уснуть.

«Стрелять в Избранного кажется проще простого, – сказал однажды отец. – Все равно что стрелять по мишеням. Но запомни хорошенько: в мире нет ничего опаснее разозленного Избранного. Не промахнись. Иначе он украсит пейзаж твоими останками».

Таниэль сидел, прислонившись спиной к дубу, и издали наблюдал за Глейдсайдом. До города было чуть больше двух миль. Приняв изрядную дозу пороха, он мог разглядеть в темноте кезанские караулы перед городом.

Обломки взорванного дома уже убрали. Еще несколько домов сгорело, в центре городка на виселицах болтались два трупа.

Скорее всего, сочувствующие мятежникам. Возможно, один из них мэр – все-таки он оказал помощь роте Таниэля.

Кезанцы и не думали скрываться.

По всему городу и вокруг него были расставлены белые палатки. Таниэль сосчитал их, просто на всякий случай. Если в каждой размещаются по двое, то их почти тысяча человек. Пять рот и одна Избранная, как ему и говорили.

Сила, с которой приходится считаться.

Он окинул взглядом окрестности, высматривая караульных. Один ковырялся в носу. Губы другого были слегка приоткрыты, и хотя Таниэль ничего не слышал, он понял, что караульный насвистывает.

Таниэлю приходилось стоять в карауле, и он знал, что нужно чем-то занять себя, чтобы не заснуть.

Закатив глаза, он медленно выдохнул, открыл третий глаз и заглянул в Иное.

Мир погрузился в пастельные тона. По всему городу и в прилегающем к Глейдсайду болоте появились блеклые пятна – прошлой ночью Избранная пользовалась там магией. Одно из таких пятен отмечало место, где погибла Дина.

В самом городе Таниэль разглядел несколько тусклых цветных пятен поменьше. Одаренные – люди с более слабыми магическими способностями. Обычно в каждой роте есть хотя бы один такой. Их умения никогда не помешают в любой армии.

Его глаза остановились на яркой точке в Ином.

Избранная. В одном из домов. Наверное, крепко спит на пуховой перине.

Он мог выстрелить прямо сейчас, пока она спит и не двигается. Проще простого.

Но даже если ему удастся направить пулю через окно и завести за угол, что почти невозможно с такого расстояния, потом все равно придется удирать по ночному болоту. На этой неделе он уже бегал по болоту в темноте и не стремился это повторить.

Таниэль посмотрел на девушку.

Конечно, она тоже погибнет. Ее давно следовало отправить обратно. Это дело он должен завершить в одиночку.

– Ка-Поэль, – прошептал он спустя некоторое время.

Приближался рассвет. Восточный горизонт слегка посветлел, луна клонилась к западу. Кезанцы в лагере зашевелились.

Он потряс девушку, чтобы разбудить. Через мгновение она вскочила, потирая глаза. Ее волосы были мокрыми и грязными.

– Пора.

В животе заурчало. Последний раз он ел часов тридцать, а то и больше назад. Обезболивающая лиана, которую Ка-Поэль привязала к ране, давно утратила силу, и теперь болело все тело. В боку ощущалась тяжесть, рука потеряла гибкость.

Нелегкий будет выстрел.

Таниэль расположился на вершине холма рядом с кленом, утвердил мушкет на толстом изогнутом корне и направил ствол на Глейдсайд.

– У меня только один выстрел, – сказал он Ка-Поэль. – Если я промахнусь, Избранная все поймет и установит вокруг себя щит. Я попытаюсь снова, если вдруг она проявит небрежность, но единственным реальным шансом будет именно первый выстрел.

Он посмотрел на Ка-Поэль – слушает ли? Девушка лежала рядом на животе, наблюдая за городом.

Она кивнула ему.

– Самое большее два выстрела, – продолжил Таниэль. – А потом мы бежим туда. – Он показал вниз на болото. – Она пошлет за нами солдат. Придется пошевеливаться. Немного удачи – и мы от них оторвемся. А в болоте они нас не выследят.

Таниэль в пятый раз проверил мушкет: запал вставлен, патрон заряжен, порох сухой. Для порохового мага не все из этого было обязательным, но каждый шаг подготовки хоть немного, но облегчит выстрел.

Он прижал приклад мушкета к плечу и посмотрел поверх ствола на дом, в котором видел Избранную.

И открыл третий глаз.

Размытое цветное пятно, обозначающее Избранную, все еще находилось в доме.

Пульс грохотал в ушах. Это не рукопашная, где энергия пороха и адреналина толкает вперед, а годы тренировок помогают убивать.

Это хладнокровный, вдумчивый выстрел.

Размытое пятно цвета сдвинулось. Таниэль закрыл третий глаз и стал наблюдать за домом снаружи, сосредоточив внимание на двери и обращенном к нему окне. Обостренное пороховое зрение позволило рассмотреть в раскрытом окне умывальник, высокое зеркало и столбик кровати.

Таниэль опустил мушкет, вытряхнул немного пороха, вдохнул его и ощутил, что успокаивается.

Вернулся к наблюдению. В окне возникло какое-то движение, и в его поле зрения появилась Избранная.

Она оказалась совсем не такой, как он ожидал.

Ей было не больше тридцати, моложе майора Бертро. Годы жестокости и занятий магией не оставили на ее лице отпечатка, как у большинства Избранных, которых встречал Таниэль. У нее был небольшой узкий нос. Ночная рубашка сползла с одного плеча, светлые кудрявые волосы растрепались. Избранная плеснула в лицо водой и бросила взгляд в зеркало.

Таниэль пожалел о своем магическом зрении и проклял черный порох, давший способность так отчетливо видеть цель.

Она была похожа на девушку, которую Таниэль знал по университету, – Сулин. Она в самом деле могла быть старшей сестрой Сулин: тот же цвет волос, те же тонкие черты лица и даже примерно такой же рост.

Ствол мушкета дрогнул. Руки Таниэля затряслись.

Он отвернул голову от приклада и на мгновение прикрыл глаза.

Ка-Поэль пристально смотрела на него. Нахмурившись, она сложила из пальцев пистолет и направила его на Глейдсайд.

«Стреляй».

Таниэль глубоко вдохнул и медленно выдохнул, прижавшись щекой к прикладу.

Избранная все еще была в своей комнате. Она закончила умываться и отошла от окна, но только чтобы через мгновение появиться в чистой рубашке.

Она подошла к окну, взбивая обеими руками длинные волосы.

Таниэль вспомнил, каким сухим, деловым тоном она говорила над трупами. Он подумал о Дине и удивленном выражении ее лица, когда огонь Избранной разрезал ее пополам.

Он подумал о муже и детях Дины, которые никогда не увидят даже ее тело.

И он никогда не сможет забыть, что именно кезанский Избранный когда-то преподнес его семье голову матери в ларце.

Едва ощутив, как палец коснулся спускового крючка, он вздрогнул от треска выстрела. Над головой поднималось облако черного дыма, заполняя ноздри серой.

Он считал про себя, продолжая жечь порох в рожке, чтобы удерживать пулю на лету дольше, чем обычную мушкетную. От усилий начало побаливать в затылке.

Обычно пороховые маги использовали пули малого калибра и ружья с высокой начальной скоростью заряда, чтобы пуля поразила цель прежде, чем жертва услышит выстрел.

Однако пуля из стандартного мушкета кезанского пехотинца достигнет цели практически одновременно со звуком.

Если только раньше его позицию не выдаст облачко черного дыма.

Не выдало.

Избранная все еще стояла у окна, наслаждаясь утренней свежестью, когда пуля пронзила ее левый глаз и ошметки затылка заляпали зеркало за спиной.

Таниэль не стал ждать, пока караульные разберутся, что к чему. Несколько лишних минут могли сыграть решающую роль: свобода или плен? Он тут же вскочил и пригнувшись побежал вниз по склону напрямик к Тристанской низине. Ка-Поэль следовала за ним по пятам.

Пока девушка вела его в болота, а кезанцы трубили тревогу за их спиной, Таниэль мысленно услышал голос отца: «Ты будешь чувствовать себя виноватым после первого хладнокровного убийства. В конце концов, жертвы даже не видят летящей пули».

Таниэля пробрал озноб, и утренняя прохлада была тут ни при чем.

«Ты будешь чувствовать себя виноватым и после второго убийства, – продолжал голос отца. – И после следующего. Меня чувство вины покинуло где-то после двадцатого, и с ним, мне кажется, я утратил человечность. Надеюсь, мой мальчик, ты сохранишь ее дольше, чем я».

– Не дольше, – прошептал Таниэль.

Ка-Поэль бросила вопросительный взгляд через плечо.

– Пошли в твою деревню, – сказал Таниэль. – Подготовимся. Рано или поздно они пришлют другого Избранного. Я останусь здесь, чтобы убить и его.